

© У.Г. Николаева, Т.В. Пушкарёва, Ю.И. Семенов

Интервью с Юрием Ивановичем Семеновым

Ключевые слова: история этнологии и антропологии, марксизм, теория истории, история первобытного общества, социальная философия

Интервью с выдающимся российским историком, этнологом и философом Юрием Ивановичем Семеновым (5 сентября 1929 – 26 апреля 2023) было взято в 2019 г. накануне 90-летнего юбилея ученого. Затронуты различные аспекты научной биографии и творчества ученого, включая проблемы разработки теории антропосоциогенеза, становления экономических отношений, института брака и семьи, теории политаризма («азиатского способа производства»), социально-экономической истории России, философии истории и теории познания. В беседе раскрываются интересные детали развития как самих идей, так и социального контекста, в которых они возникали, отношений и атмосферы в научном сообществе. Возникает цельное представление о масштабе личности ученого, глубине его идей, широте охвата исследовательских проблем, особенностях советского и постсоветского периодов его творчества.

У.Н., Т.П.: Юрий Иванович, добрый день! Расскажите, пожалуйста, как формировались ваши научные интересы? С чего начался ваш научный путь?¹

Ю.С.: Я с самого начала исходил из того, что философия есть теория познания, а поскольку я начал заниматься философией, то, конечно, стал заниматься теорией познания. И обратился прежде всего к мышлению. Кандидатская диссертация, которую я написал, называлась так: «Некоторые проблемы

Семенов Юрий Иванович (1929–2023) – советский и российский историк, этнолог, философ, д.и.н.

Николаева Ульяна Геннадьевна – д.э.н., гл.н.с. Институт социологии ФНИСЦ РАН. unikolaeva@list.ru <https://orcid.org/0000-0002-6266-8984>.

Пушкарёва Татьяна Витальевна – к.филос.н., доцент Университета «Синергия». E-mail: ap-bib@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9139-6121>.

Для цитирования: У.Г. Николаева, Т.В. Пушкарёва, Ю.С. Семенов. Интервью с Юрием Ивановичем Семеновым // Антропологии/Anthropologies. 2023. № 1. С. 174–210, <https://doi.org/10.33876/2782-3423/2023-1/174-210>.

¹ Данное интервью было опубликовано в переработанном виде в следующих публикациях: *Николаева У.Г., Пушкарёва Т.В.* Труд действительно создал человека. Вместе с его иллюзиями. Интервью с Юрием Ивановичем Семеновым / Человек. 2019. № 5 (30). С. 90–117; *Семенов Ю.И., Николаева, У.Г. Пушкарёва Т.В.* Интервью с Юрием Ивановичем Семеновым / Альтернативы. 2020. № 4. С. 113–141. Для настоящей публикации интервью было восстановлено в его оригинальном виде.

предыстории человеческого мышления». Там рассматривалась эволюция животного мира, которая в конце концов завершилась появлением антропоидов. Главными моментами, конечно, там было учение Ивана Петровича Павлова, учение об эволюции, эволюции нервной системы, высшей нервной деятельности. Ну а потом, возникновение труда, несовместимость производства с той формой отображения мира, которая существовала у животных. Потребовалось коренное преобразование, нужно было отражение общего, сущности, и без этого невозможно было превращение рефлекторной деятельности в целенаправленную и так далее.

Вот такая диссертация была. Я ее представил на кафедру философии Томского университета — это было самое близкое учебное заведение, где могла происходить защита. И она должна была проходить на Ученом совете исторического факультета, куда была приписана кафедра философии.

Мою диссертацию обсудили, но у них вызвал много сомнений целый ряд новых выводов, которые я сделал на основе материалов Павлова, но которые не были сделаны ни самим Павловым, ни его последователями. Они тогда пригласили специалистов с кафедры высшей нервной деятельности, те сказали, что это принципиально новые положения, которых в науке раньше не было, но это не противоречит современной науке, базируется на материале.

Поскольку диссертационный совет был на историческом факультете, а две трети диссертации было посвящено животному миру, то они попросили работу переделать — все принципиально новые выводы убрать, оставив общепринятое. Нет, никаких злых умыслов у них не было, они просто хотели, чтобы защита была гарантирована, и в ВАКе она прошла нормально. Но мне не захотелось портить работу. А так как у меня был накоплен огромный материал по становлению труда, из которого только часть была использована, потому что это был частичный момент, я решил написать новую диссертацию по становлению труда, а предшествующую работу сделать предисловием, вводным разделом, сократив ее до предела. Зато добавить материал, причем не только по становлению труда, но и общества, потому что невозможным было развитие мышления без становления общества. Мышление, в первую очередь, это общественное явление. Так я и сделал.

В итоге диссертация получила новое название — «Возникновение и основные этапы развития труда (в связи с проблемой становления человеческого общества)» (1956). Ее обсудили, тут же рекомендовали, и она была защищена.

Но надо сказать, что к тому времени ВАК издал новую инструкцию о порядке защиты диссертаций. Здесь впервые потребовали, чтобы, по крайней мере, часть материала диссертации была обязательно опубликована. Так как у меня было все сделано, то ее опубликовали полностью от начала до конца. И кроме того, там был еще такой пункт, который потом все-таки убрали, что кандидатская диссертация должна представлять собой вклад в науку. Что должно быть новое, чего не было у предшественников. Потом сообразили, что это чепуха — требовать это с кандидатов, и позже это убрали, но когда я защищался, это требование еще было.

Не знаю, стоит ли тут останавливаться, но тут-то как раз в это время сменился заведующий кафедрой философии в Томском университете. Новый заведующий кафедрой, надо сказать, был очень любопытной фигурой. Он когда-то был политическим деятелем, был советником С.В. Косиора, который был первым секретарем ЦК компартии Украины. Так как наступало время «1937-х годов», то его арестовали по обвинению в том, что он готовил покушение на жизнь этого любимца партии Косиора. Его посадили, но через несколько месяцев, пока он сидел, самого Косиора объявили врагом народа и расстреляли.

И вот не знали, что с ним делать. С одной стороны, он вроде бы готовил теракт против врага народа, видимо, помогал нашим доблестным органам госбезопасности. Но, с другой стороны, он же был соратником Косиора, но, опять-таки, и одновременно врагом его был. В общем, его просто выслали в Сибирь, не посадили, и он там жил, пока не умер Сталин. А умер Сталин, ему вернули все права и прочее и назначили заведующим кафедрой философии Томского университета. Он человек умный был, очень толковый, не знаю, как в науке, но в делах он был знаток.

И он меня предупредил, что меня ждет на защите очень много неприятностей. Дело в том, что одна дама, которая была деканом исторического факультета [З.Я. Бояршинова], прочитав мою диссертацию, пришла в ярость. Дело в том, что она преподавала историю первобытного общества. А эта диссертация ломала все привычные шаблоны. И ей надо было либо переучиваться, либо что? В общем, она обозлилась страшно и стала говорить всем на истфаке, что диссертация безграмотная совершенно, нелепая, и Павлов в ней не так показан и так далее, так далее. Потом привлекла какую-то даму с кафедры высшей нервной деятельности, чтобы она подтвердила, что Павлов в диссертации не так представлен и прочее.

В общем, короче говоря, когда я начал свою вступительную речь, то я чувствовал, что ко мне отношение было страшно неприязненное. Когда я кончил, начались вопросы. И председатель совета мне сказал: «Отвечайте тут же, не раздумывая, сразу на все вопросы». Вопросов было масса всевозможных, я чуть ли ни час отвечал. А потом начались выступления. Ну и первым делом выступила эта дама — [Зоя Яковлевна] Бояршинова. Она тогда была кандидатом исторических наук, потом стала доктором исторических наук. И начала она с того, что вышла новая инструкция ВАК, которая требует, чтобы диссертация была новая, чтобы было то, чего не было никогда в науке. А вот, мол, в этой работе этого и в помине нет — ничего нового, абсолютно, переписаны старые учебники и больше ничего, и это первый недостаток диссертации. А второй недостаток, как она сказала, состоит в том, что автор полностью противоречит всей существующей литературе, он пишет то, чего нигде и никогда не было, и конечно неправильно, безграмотно и так далее. Когда я стал отвечать, то сказал, что нельзя с одного быка две шкуры драть — либо у меня ничего нового нет и я повторяю одни «зады», либо противоречу всему существующему. Был общий хохот в зале. В общем, она перестаралась, конечно, как говорится, но так уж ей хотелось, чтобы эту диссертацию провалили.

Потом выступила другая дама с кафедры высшей нервной деятельности, и сказала, что диссертант приписывает Павлову точку зрения, которую Павлов

никогда в жизни не высказывал. Когда я отвечал ей, то спросил: «Понимаете ли, я удивляюсь, вы работаете на кафедре высшей нервной деятельности. А вы Павлова-то читали? Ведь это ж у Павлова есть в четвертом томе на странице такой-то... Вы что, не читали совсем что ли Павлова? Ну хоть признайтесь в этом!».

Дальше выступления были. Кто-то говорил, что человек полез в антропологию, с которой, мол, явно незнаком. А председатель совета К.П. Ярошевский пошел на одну хитрость. Дело в том, что на мою диссертацию пришел отзыв из Ленинграда, и написал его очень крупный специалист в области антропологии Валерий Петрович Якимов. И он написал, что хотя диссертация написана философом, но что его удивляет, так это редчайшее знание всех работ по антропологии, по археологии и прочее, что продемонстрирована необычайная эрудиция, знания в этой области. Вообще-то, такие отзывы должны были зачитывать вначале, но Ярошевский сделал так, чтобы его не зачитали. И потом уже перед моим итоговым выступлением один антрополог из совета, который знал об этом отзыве, возмущенно сказал: «Ведь есть же отзыв крупнейшего специалиста Якимова, почему его не зачитали?». Председатель вынужден был дать возможность зачитать, все послушали про то, что эрудиция, знания глубокие и так далее. После этого мне дали слово. Тут я, не щадя уже самолюбие всех этим дам, их высмеял.

В общем, короче говоря, настрой резко изменился. Ну и я получил степень — проголосовали за меня, только четыре человека было против, а остальные «за». У меня там, к слову, были хорошие оппоненты, один — крупный археолог, другой — антрополог. Так что провалить диссертацию не получилось.

А мне потом сказали: «Вы знаете, это была первая настоящая защита, потому что все остальные, это были не защиты, а так; это была первая настоящая защита диссертации, на которой мы присутствовали». Так что вот, что касается диссертации. Она прошла ВАК.

Ну, а дальше так. У меня был накоплен огромный материал, который в диссертацию не поместился. Поэтому я решил написать уже работу о том, как возникло человеческое общество. Тут нужна была этнография, фольклористика, все эти данные и прочее. Вышла монография «Возникновение человеческого общества» [1962] в Красноярске, наш институт имел возможность опубликовать. И так я вошел в мир этнографии.

Ю.И. Семенов со своим первым аспирантом, философом Ю.А. Муравьевым на демонстрации. Рязань, середина 1960-х годов.
// Из личной коллекции Л.Ю. Семеновой.

У.Н., Т.П.: И это была уже докторская диссертация?

Ю.С.: Да, раньше можно было защищать докторскую диссертацию по монографии. Книга вышла в 1962 г., и в том же году я уехал из Красноярска в Рязань. Ну, там причины были связаны больше не с наукой, а совсем с другим. Дело в том, что у меня жена заболела базедовой болезнью. Она несколько раз лечилась, но потом все начиналось сначала, ничего не помогало. Я тогда разговорился с одним крупным специалистом в этой области, он мне сказал: вам нужно скорее уезжать из Красноярска, она здесь никогда не выздоровеет. Красноярск для таких людей, он сказал, неблагоприятен, но нам запретили об этом говорить, то есть вообще о том, что такое неблагоприятие существует.

Потом, через много лет, я выяснил в чем дело. С Красноярском рядом был «Красноярск — 9», это закрытый город с заключенными, где были урановые рудники и завод по изготовлению атомных бомб. Там была в 1951–52 г. авария, в результате чего был отравлен радиоактивными веществами Енисей. Это признали только два года тому назад, опубликовано было. Сказать открыто врач не мог. Пришлось уехать.

Диссертацию, то есть монографию, я предоставил в Институт философии в сектор исторического материализма. Ну, они стали тянуть с обсуждением на секторе — месяц тянули, второй месяц тянули, третий месяц тянули. А потом секретарь сектора мне сказал: «Видите ли, в чем ваша беда, у вас все написано по существу, а нам этого не нужно. Нам нужна философия». Я, тогда понял, что философия — это когда пишут не по существу (*смеется*).

Но моя книга вообще-то была к тому времени уже известна и в Институте этнографии, и на кафедре археологии и антропологии МГУ, и в Институте антропологии МГУ. Она почему-то там нашумела, и ее обсуждали много раз, она многим понравилась, а некоторых, наоборот, привела в ярость, как вот этих дам. Но большинству, так сказать, она понравилась.

Особенно книга понравилась одному из крупнейших наших антропологов Георгию Францевичу Дебцу, вице-президенту Международного союза антропологов. А я как раз бывал в Институте этнографии и в этот день его встретил. Он спросил: «Как у вас защита диссертации продвигается?». Я ответил, что они все тянут и тянут. И он тогда сказал мне: «Зачем вы с этими кретинами связались? Ну защищайтесь в Институте этнографии. Тут вы получите степень доктора не болтологических, а настоящих — исторических наук. Я с Сергеем Павловичем [Толстовым] поговорю».

На следующей неделе я приехал в Москву (каждую неделю я ездил на один день в Москву из Рязани — утром уезжал, а вечером возвращался домой). Г.Ф. Дебец сам меня нашел и сообщил, что с Сергеем Павловичем поговорил, что тот знает мою работу и считает ее превосходной, и что поддерживает идею защиты в институте. Уже где-то через неделю назначали обсуждение на сводной группе общей этнографии, дали высшую характеристику и тут же рекомендовали к защите. И было это буквально через две-три недели после того разговора.

Сергея Павловича Толстова нередко упрекали в том, что он был человеком деспотического характера, принимал решения всегда сам, и здесь, действительно, проявился его деспотический характер. Он обратился к секретарю Ученого совета института (тогда специальных диссоветов не было, защищали на Советах институтов, факультетов): «Когда у него защита будет?». Она ответила, что восьмая очередь, и это будет где-то ноябрь. А обсуждение прошло где-то в феврале. Он ей и говорит: «Ставьте на июнь». «Так ведь на июнь у нас совета не запланировано, — отвечала секретарь совета, — в июне у нас уезжают в командировки, в полевые исследования...». Сергей Павлович: «Ничего, задержим». Только и всего. Но главное, что он никому не навредил, никого не сдвинул, люди не были обижены. И диссертацию я защитил.

Ну, а к тому времени выяснилось, что писать работы по философии можно, а вот печатать — тебя не печатают. Философия была, так сказать, священная корова, это же Маркс, Энгельс, Ленин, любое отступление — ревизионизм и прочее. Поэтому меня не печатали. Даже когда работу принимали, то говорили: а вот это вычеркните, причем как раз то, что там, собственно, и было новое. Я им говорил: «Так зачем тогда это печатать, когда там одно и то же будет, все то, что уже давно всем известно?».

В результате мне пришлось переключиться снова на этнографию. К тому же в Институте этнографии создали группу по истории первобытного общества, потом она превратилась в сектор истории первобытного общества, и я в нем стал работать по совместительству. Проработал 30 лет в Институте, публикаций было сколько угодно, все публикации сектора публиковались, короче, проблем не было.

А философию почти что невозможно было печатать. Кое-где я, конечно, пытался, но не получилось. Ну а философией я занимался, конечно, потому что я читал лекционные курсы, спецкурсы, я их разрабатывал, излагал. А надо сказать, как это ни странно, тогда была мода на авторские курсы. То есть, человек должен был читать курс философии не по учебнику, а свой собственный курс. То есть фактически учебник, так это получается. Я этим и пользовался. Во-первых, начиная с 1962 года я заведовал кафедрой, так что меня никто не контролировал.

Ю.И. Семенов среди сотрудников Института этнографии АН СССР. Слева направо: Н.Н. Чебоксаров, И.О. Гохман, В.Р. Кабо, Ю.И. Семенов, П.И. Пучков. МАЭ (Кусткамера). Ленинград, 1960-е годы. // Из личной коллекции Л.Ю. Семеновой.

У.Н., Т.П.: Заведовали кафедрой философии в Рязанском меде?

Ю.С.: Да, пять лет заведовал кафедрой в Рязанском медицинском институте имени академика И.П. Павлова. Кстати, это же сначала был Московский медицинский институт, потом его перевели в Рязань. А по философии я сам детально разрабатывал курсы, читал их. Но почти ничего не печатал. Потому что невозможно было.

Однажды я написал работу по теории познания, где-то там около 10 печатных листов, но нигде ее напечатать не мог. Или до сих я пор помню историю с Госполитиздатом. Вдруг мне предложили написать учебник по историческому материализму, попросили дать проспект, расписать главы, разделы, проблемы. Ну, я написал, представил, а они мне и говорят: «Вы понимаете, у вас совсем не так, как в других учебниках». На это я, разумеется, ответил: «Скажите, а зачем же тогда вообще писать, если то же самое?». «Ну знаете, не пойдет, мы бы с удовольствием взяли, но мы под контролем таким, это, конечно, не цензура, но нас интересует позиция ЦК, там все строго контролируется... И поэтому не пойдет, к сожалению». Вот вам, видите. Да и статьи с трудом проходили.

У.Н., Т.П.: Не могли опубликовать статьи по философии?

Ю.С.: Ну, конечно, по философии. А по антропологии, по археологии публиковал много. Я ведь потом написал книгу по происхождению брака и семьи (*Семенов 1978*). Потому что в секторе нужна была работа, отчеты, меня попросили, ну я и написал. А потом уже написал работу «На заре человеческой истории» (*Семенов 1989*). Но сначала же, помните, у меня вышла книга «Как возникло человечество».

А было это так. Когда закончилось заседание по защите докторской диссертации, Сергей Павлович предложил совету мою работу, вот эту книгу «Возникновение человеческого общества» (*Семенов 1962*), которая вышла еще в Красноярске, рекомендовать к публикации в издательстве «Наука». Потому что, говорит, вы сами понимаете, книга вышла тиражом 500 экземпляров, она почти что не существует. Совет ее рекомендовал, и, вероятно, если бы Сергей Павлович был здоров, ее сразу бы и напечатали. Но, к сожалению, у него произошел инсульт, он стал немощный, так сказать, и вынужден был покинуть институт, выйти на пенсию. Вот поэтому в издательстве затянули, попросили меня сократить в два раза, но я отказался. Сказали, вы если сократите, мы вам гонорар выплатим, а вот если такой большой объем, гонорар платить не будем. Я говорю: «Не платите, но пусть выйдет полностью». Книга вышла в 1966 г., причем с большими изменениями и дополнениями, которые я за это время сделал.

Ну а потом я писал почти половину первого тома «Истории первобытного общества» (*Семенов 1986: 73–129*). Это издание наш сектор готовил, три тома. Я написал также две главы во втором томе. А потом решил это оформить как отдельную книжку «На заре человеческой истории», потому что за время, прошедшее с 1960-х по 1980-е годы, многое изменилось.

Когда я в самом начале пытался реконструировать процесс становления общества, я опирался на данные о сообществах животных, которые содержались в клетках или в зоопарках. А здесь началось впервые в 1960-е и последующие годы исследование поведения животных и их гregarных организаций в условиях естественных. И к тому времени был накоплен гигантский материал. Это во-первых, а во-вторых, долгое время не было почти никаких работ по экономике первобытности, по которым можно было бы восстановить, реконструировать первые этапы развития экономических отношений. До того у меня были сказаны общие фразы, так сказать, общие соображения, но здесь уже тоже был накоплен огромный материал. Вот как раз я и включил это все в книгу «На заре человеческой истории», так что она стала огромным шагом вперед. Даже дело не в находках различных там людей.

У.Н., Т.П.: Юрий Иванович, как-то вы говорили, что в книге «На заре человеческой истории» сделали акцент на формировании экономических отношений, а не брачно-семейных. И это, как я понимаю, важное отличие новой книги от предыдущих?

Ю.С.: Да, дело как раз в том, чтобы понять, как формировались отношения собственно человеческие. Для этого нужно было обуздать животные зоологические инстинкты, то, что называется зоологическими индивидуализмом. Ведь все инстинкты животных — это забота только о самом себе. Ну, пищевой инстинкт, половой инстинкт, инстинкт самосохранения. Единственное исключение, да и то у отдельных животных, так называемый «родительский инстинкт» (либо материнский, либо родительский).

И поэтому, когда формировался коллективизм, нужно было обуздать, поставить в социальные рамки все эти инстинкты. Тогда и возникло это знаменитое табу, запреты на определенные действия, введены ограничения, произошло обуздание пищевого и полового инстинкта.

Так вот до этого было хорошо известно, как ограничили половые инстинкты. Было множество этнографических данных про табуирование половых отношений, становление брака и семьи. А здесь я получил возможность восстановить и то, как ограничивался пищевой инстинкт, как возникали отношения распределения, отношения коллективной собственности на пищу. Вот это самое главное.

У.Н., Т.П.: Тогда же находка в пещере Шанидар («Шанидар I») была сделана, как мы понимаем, появилась другие находки?

Ю.С.: Конечно, все эти находки я использовал. Ну там совершенно понятно, человеку 50 лет, у него, видимо, очень давно ампутирована одна рука, он был калекой, кроме того, у него и других повреждений масса. И он жил, хотя себя не мог обеспечивать, и прожил бы еще больше, если не обрушился бы свод пещеры, и он попал под камни. То есть о нем заботились, и это особенно наглядно стало видно. Были и другие примеры людей с тяжелыми ранениями, которые выздоровели, но оставались долго на иждивении коллектива. А до этого почти таких находок не было, за исключением, пожалуй, находки во Франции (в пещере Ля Шапель): у того человека был позвоночник окосте-

нелый, то есть он не мог ни нагнаться, ни есть нормально и прочее, и тоже до 60 лет дожил. Также о нем заботились.

У.Н., Т.П.: То есть, фактически, это и есть возникновение морали?

Ю.С.: Ну конечно. То есть, во-первых, началось с запрета, а запрет был простой. Вот тут в чем дело. По поводу данных о поведении животных в естественных условиях — очень же много появилось работ о шимпанзе. Во-первых, шимпанзе и другие обезьяны, как считалось раньше, это же животные растительоядные. Поэтому особенно проблемы распределения пищи не было, потому что они сидят на разных деревьях, они не соперники друг другу. Ну, а потом выяснилось, что иногда шимпанзе охотятся на животных. Это редкая вещь. Вот здесь-то и возникла проблема распределения. Обычно все пожирала самые крупные самцы, даже если не они добыли животное, а другие. Отбирали, ели, вот и все. То есть, короче говоря, действовал принцип, так сказать, простой — сильный получал то, что он хотел, и больше ничего.

У шимпанзе в естественных условиях также нашли использование естественных орудий — камней, палок, дубин и так далее. Но это, опять же, от случая к случаю. А ведь наши предки, которые были ближе всего к шимпанзе, где-то 5 млн. лет тому назад стали переходить к наземному образу жизни. Сами-то шимпанзе — животные полудревесные, полуназемные, но большую часть проводят на деревьях и одну треть примерно на земле. А тут переход к наземному образу жизни. А так как у шимпанзе нет ни клыков, ни когтей, то в результате они оказались беззащитными от хищников, которыми изобиловала наземная поверхность, и от которых они раньше прятались на деревьях. На деревьях-то нет хищников, почти все хищники наземные. И поэтому потребовалась защита.

Вот они стали систематически использовать камни и палки для защиты от хищников. Но для этого им нужны были свободные конечности верхние, произошел переход к прямохождению, возникли вот эти предлюди — австралопитеки, где-то 5–6 млн. лет назад. А потом эти ранние предлюди стали уже использовать камни и палки для добычи, для того чтобы убивать животных, стали, как видите, хищниками, хотя не оставили и растительоядной жизни. Для всего этого нужны были орудия, потому что нужно было разделять туши крупных животных — они ведь убивали гиппопотамов, бегемотов. А у них, опять же, ни когтей, ни клыков, значит, нужно использовать только орудия каменные, с острыми краями. А найти такие было довольно трудно, надо было искать. Ну, когда они возились с этими камнями, то видели, как камни бьются о камни, возникают камни с острыми краями, которые могут быть использованы. Они стали колотить камни о камни и подбирать осколки, которые подходили для того, чтобы их использовать. Вот и все.

Ну, вполне понятно, что так как у них мышления не было, то результат получался чисто случайным. Если повезло, то появлялся камень с острым краем. А не повезло — опять бери и снова колоти. То есть, эта деятельность обеспечивала их в какой-то степени, но делала невозможным дальнейший прогресс. Вот тут и стало зарождаться мышление. Программа — как конкретно действовать, чтобы добиться желаемой цели. А как это сделать, ведь

планировать-то животные не могут, предвосхитить-то они не могут. Здесь же нужно абсолютно новое, создание того, чего нет в мире. А для этого нужно знать о том, каков будет результат, а для этого нужно создать образ вещи, которая еще не существует. И стало возникать мышление.

А дальше для того, чтобы обеспечивать прогресс, нужно, чтобы все обеспечивались мясом, а не только самые крупные и сильные. А для этого нужна была ликвидация того, что называется доминированием, когда сильные животные получают то, что хотят, а слабые остаются без еды, то есть нужно было выравнивание. И первый запрет был такой: убитое животное никто не смеет взять и утащить куда-то, съесть всем только на месте, только здесь. Доступ к мясу должны были получить все до единого. Вот самое простое пищевое табу: никто не мог утащить и не имел право отгонять никого. С этого все началось. Иначе говоря, пища стала общественной, коллективной собственностью, к ней был гарантирован доступ любому.

Возникла коллективная собственность. Вот об этом я как раз и написал в книге «На заре человеческой истории». До этого просто не было данных, а тут как раз все эти открытия дали возможность реконструировать процесс. Данные об этой пещере Шанидар, и многие другие находки, показали, что калеки получали столько же, сколько взрослые, молодые, здоровые мужчины, потому что иначе нельзя — пища общая. Они имеют право на нее в силу того, что они принадлежат к этой группе.

Вот как раз этого у меня не было в прежней книге [«Как возникло человечество»], потому что не было материала. Можно было только гадать, а вопрос в том, как конкретно?

Кстати, между прочим, самое забавное, что это предвосхитил в какой-то степени Редьярд Киплинг. У него есть такая песня «Закон Джунглей» о волчьей стае. В реальности у волков господствует доминирование. Но у Киплинга это так, что господствует запрет: нельзя ничего утащить, ешь только на месте:

«Добыча Стаи — для Стаи; каждый волен на месте поесть.
Смертная казнь нечестивцу, кто кроху посмел унести!»

Так что он предвосхитил в каком-то смысле.

С самого начала возникли запреты, и этим был в основном обеспечен коллективизм. А позитивные нормы возникли уже позднее. Так же с отношениями между полами: вначале нормы носили чисто запретный характер, возник запрет. Я в книге про брак всю эту картину рисовал, показал, потому что все это наблюдалось много раз, был огромный материал по отношению между полами, про запреты.

А по первобытной экономике данных долго не было, и тут они появились. И стало понятно, какой была одна из самых простых форм распределения добычи. Люди садятся в кружок, появляется большой кусок мяса. Этот кусок поступает первому человеку, он отрезает столько, сколько может положить в рот, и передает второму, а сам пока жует. Второй отрезает столько же и передает и так далее по кругу. Когда дошли до первого он уже прожевал и от-

резают второй кусок, и опять вот этот кусок мяса ходит по кругу, пока кто-то не перестает отрезать, он уже наелся.

Кстати, между прочим, помните, стихотворение Пушкина «Песнь о вещем Олеге»: «Ковши круговые, запенясь, шипят, На тризне плачевной Олега». Помните? Круговые ковши — один отпил глоток, передает ковш, потом следующий и так далее. Этот самый ранний принцип оказался настолько живуч, что сохранился вплоть до Киевской Руси. Круговые чаши — они ведь почти везде были.

У.Н., Т.П.: А в книге «Происхождение брака и семьи» вы нарисовали картину появления половых регуляторов, соответствующих социальных институтов?

Ю.С.: Видите, в чем дело, у нас же господствовала схема, которая была создана Морганом, согласно которой вначале был промискуитет. Когда говорят об этом этапе, считают, что это какое-то безобразие. Ничего подобного. Это означает только, что нет никаких норм, которые регулируют отношения между полами. Только и всего. Просто нет норм. Однако ясно, что нерегулируемые половые отношения приводили к конфликтам, скандалам, дракам. Это мешало жизни коллектива, производственной деятельности. Поэтому нужно было нормирование.

И знаете с чего все началось? Просто-напросто за какое-то время до серьезной работы, охоты, производства чего-то — полностью запрещались всякие половые отношения. Заканчивалась охота — запреты снимались, потом снова вводились. То есть были периоды полной агамии, точнее акойтии, потом они снимались, и отношения опять не регулировались.

Этот запрет называют агамным, но брака-то тогда еще не было. Поэтому точнее это называть «акойтией», запретом на половые отношения. К чему это привело? Ограничения нарастали внутри каждого коллектива с развитием производства, и люди стали искать партнеров из других коллективов. И это дало возможность полностью запретить отношения внутри группы людей. Вот тогда-то она и стала родом. Род — это группа людей, где абсолютно запрещены отношения между полами. Даже не вступление в брак, а любые вообще половые отношения. Брак уже возник потом.

А потом у Моргана была такая схема — промискуитет, потом групповой брак (две формы его), а потом индивидуальный брак между индивидами. Индивидуальный брак тоже был двух видов. Один вид брака — это когда брачующиеся совершенно свободные и равноправные, нет господства ни мужчины, ни женщины. А брак классового общества — это где мужчины господствовали в семье. Вот этот второй вид брака Морган называл моногамным, хотя этот тип господствует и в семьях, где полигамия, даже еще в большей степени, поскольку там еще больше неравенств в отношении между полами (женщина может иметь только одного мужа, а муж может иметь десяток жен). Такой тип брака я, например, предпочитаю называть «патриархическим».

Надо сказать, что Морган неправильно понимал групповой брак, он представлял его как сумму индивидуальных браков. Скажем, группа из трех

мужчин и трех женщин. Так вот первый мужчина является мужем и первой женщины, и второй, и третьей и так далее... Но так не было. Тогда индивидуальных браков не было вообще. Это были отношения между группами людей. Два рода составляли дуальную организацию. В каждом роде были запрещены отношения между полами, и тем самым у них оставалась возможность искать партнеров только в другом роде. И больше ничего. Это и есть групповой брак. Норма — искать партнера в соседнем, в союзном роде. Это и называется «дуально-родовой брак». А уж как там договаривались между собой, это никого не интересовало. То есть, между партнерами никакого индивидуального брака не было — могли всю жизнь, вероятно, могли на неделю, могли на час, это дело личное, в которое никто не вмешивался.

Только тогда возник индивидуальный брак, когда началась связь между отдельными людьми более-менее прочная, которая, кстати, была еще и обществом санкционирована. Но это уже моя схема.

У.Н., Т.П.: Это как раз логика эволюции института брака, которую вы впервые показали в книге?

Ю.С.: Ну конечно, в этом-то и дело. Во-первых, я показал, что групповой брак — не сумма многоженства и многомужества, а это отсутствие какого бы то ни было индивидуального брака. Только потом возникает индивидуальный брак. Причем действуют нормы и те, и другие. То есть, чтобы вступить в брак, нужно вступить в брак только с членом иного конкретного рода. Потом, когда роды распались, возникли фратрии, то можно вступить в брак с представителем другой фратрии (а фратрии — потомки одного рода).

Вот эту схему я там как раз и отстаивал. Она ведь до сих пор не принимается. А почему? Потому что западные антропологи, когда они убедились, что Морган был неправ, что не было ни кровнородственной семьи, ни семьи пуналуа, и не было семей такого рода — заявили, что всегда был индивидуальный брак и больше ничего. Он уже, мол, у шимпанзе был и до сих пор существует, и никакой эволюции не было.

А тут и наши многие ученые начали писать, что вот западные ученые, мол, правы, стали ориентироваться в этих подходах на Запад. И до сих пор у нас все это в социологии принято, что индивидуальный брак — это природное, биологическое явление, без него нельзя.

Да ничего подобного. Природное биологическое явление — это отношение между полами. А социальная организация отношений полов — чисто социальное явление. Вначале не было никакого порядка. Потом стали возникать табу. Потом возник дуально-родовой брак. Потом стал внутри возникать индивидуальный брак. Эту схему я и изложил.

Потому что других-то нет схем. Либо Морган, либо ничего. А Морган, вроде, опровергнут. Но тут вот в чем дело. Конкретная схема у него опровергнута. А сама идея последовательной смены стадий промискуитета, группового брака и потом индивидуального брака — она-то верна. Только в других формах. И брак не так понимается. Вот и все.

Но интересно, что это в советское время нельзя было отрицать, ведь Энгельс же принял эту схему. Самое забавное, что как раз моя единственная статья, которая была напечатана в журнале «Вопросы философии», это была статья, где я критиковал Энгельса, и показывал, что схема Энгельса устарела.

У.Н., Т.П.: Как раз в отношении брака?

Ю.С.: Ну, конечно, в отношении брака. Она почти во всех отношениях устарела, к сожалению. Он же не мог перепрыгнуть за уровень наук своего времени. В том-то и дело, что Маркс и Энгельс в вопросах первобытности были во многом не правы — и в отношении полов, и во многих других вопросах. Они просто руководствовались материалами и точками зрения, которые в то время господствовали. И понятно, они же не занимались этим специально. Недаром же Энгельс написал, помните, что делал свою работу [«Происхождение семьи, частной собственности и государства»] «по материалам книги Морган «Древнее общество». Он не скрывал этого. В целом следовал Моргану, хотя многое добавил, уточнил, много умного написал. Но в целом ошибка была.

Ну а дальше, как понимаете, началась перестройка, официальный марксизм рухнул, зато открылась для марксистов возможно писать все, что они хотели. И у меня появилась возможность писать и публиковать книги по философии. Но я не отказался от этнографии, одна из моих последних работ была посвящена развитию первобытной экономики — «Происхождение и развитие экономики» (Семёнов 2014).

После 1991 г. я получил полную возможность писать по философии. И уже этнографией занимался меньше. К тому же в этнографии уже трудно было что-то принципиальное добавить к тому, что я уже написал, да и невозможно.

У.Н., Т.П.: Юрий Иванович, расскажите пожалуйста, когда у вас возник интерес к проблеме азиатского способа производства?

Ю.С.: Он возник еще в институте, когда на первом курсе я изучал историю Древнего мира и перечитал все учебники по истории Древнего Востока — Авдиева, Струве и других. И обратил внимание на то, что в предисловиях заявлялось, что на Древнем Востоке общество было рабовладельческое, которое базируется на рабском труде, но более примитивное, чем античное. Античное это, так сказать, расцвет рабства, когда оно приняло самые современные для того времени формы, а на Востоке рабство было еще раннее, недостаточно изжившее архаизмы и так далее. Но потом я начал читать главы этих же учебников, и там было ясно написано, что рабов на Древнем Востоке было очень мало, использовали в основном их в сфере услуг (домашние слуги), в производстве они почти не использовались, и что главным производителем материальных благ были крестьяне, которые жили общинами. Их, этих крестьян, конечно эксплуатировали, три шкуры с них драли. Но что это за форма эксплуатации? Ну, не рабство же. А какая? Феодализм или что? Крестьян эксплуатировали и в Европе в Средние века. А на Востоке тогда что? В чем отличие? То есть, не получалось.

И меня это страшно заинтриговало. Я постарался узнать историю вопроса, прочитал все что, было о дискуссиях по азиатскому способу производства, о том, что три точки зрения обсуждались. Одна — что это феодальный способ производства. Но ее не приняли, потому что получалось, будто феодализм был чуть ни до рабства, не вторая, а первая классовая формация. А античность тогда как же? Вот, угроза марксизму.

В общем три точки зрения. Одна — феодализм, вторая — рабство, а третья — это азиатский способ производства, о котором писал Карл Маркс. А Маркс ведь как писал? «Азиатский» способ. Почему не феодальный, почему не какой-то конкретный? Материала-то у него не было. В XIX в. об экономике Древнего Востока тогда почти ничего не знали. Но он понял только простую вещь, что ни капитализма там не было, ни рабства, ни феодализма. Какой-то особый способ производства. И он чисто условно назвал его «азиатским», потому что он был в основном распространен в Азии. Вот и все.

Это все меня заинтриговало. И я написал статью на эту тему, о том, что не было рабовладельческого способа производства в Древнем Востоке (Семенов 1957: 237–260). Тем более, что бывали такие общества Древнего Востока, где вообще рабов никаких не было, то есть полностью. В таких случаях, когда рабов не было, у нас писали, что это было, мол, «раннерабовладельческое» общество. Вот так — если рабов не было никаких, значит это «ранние рабы».

У.Н., Т.П.: Хорошо придумано!

Ю.С.: Ну я и говорю, великолепно. Подгоняли, так сказать, под схему. Помните, дискуссия же 1930-х годов кончилась тем, что появилась «История ВКП большевиков. Краткий курс», а в ней четвертая глава, где было сказано, что за первобытно-общинным строем последовал рабовладельческий. И все. И те, кто был иного мнения, предпочитали помалкивать, даже если они сохраняли какую-то другую точку зрения. А большинство как-то быстро приспособилось. У нас, знаете, умели приспособливаться.

До сих пор помню, сессия ВАСХНИЛ была [1948], на которой обсуждали доклад Т.Д. Лысенко. Тогда он сделал доклад, началось обсуждение, и некоторые выступили с критикой доклада. А на следующий день, чтобы прекратить критику, председательствующим был задан вопрос: «А товарищ Сталин читал доклад, и как он к нему отнесся?» Было сказано, что товарищ Сталин читал и полностью одобряет. После этого часть тех, кто выступил в первый день с критикой Лысенко, тут же вышли и покаяться. Мол, все они глубоко ошибались, все они поняли глубину своих ошибок, что оказались в плену буржуазной идеологии и так далее.

Один только потом выступил заново и продолжил подвергать жесткой критике позицию Лысенко. Это был Рапопорт — крупный генетик, во время войны командир десантников, военный, из морской пехоты, который воевал лихо и, между нами говоря, и тут не боялся ничего. Правда, его выгнали с работы, он где-то подрабатывал в каких-то экспедициях — и так, пока не рухнула лысенковщина. Но ведь не побоялся выступить уже после того, как сказали, что эта точка зрения поддержана Сталиным.

И здесь тоже, кто был сторонником концепции азиатского способа производства, практически все покалялись.

Надо сказать, что моя критика рабовладельческой модели на Востоке была абсолютна правильна. А вот решение позитивное было неверное. Дело в том, что я исходил из того, что фактом является существование только трех форм эксплуатации: рабства, феодализма и капитализма. Четвертой, были тогда все уверены, быть не может. И поэтому я заявил, что на Древнем Востоке была смесь, синтез примитивного феодализма и примитивного рабовладения. Это была ошибка, но что делать.

У.Н., Т.П.: А как вам удалось опубликовать эту статью, ведь в ней критиковалась официальная точка зрения?

Ю.С.: Моя статья вышла после XX съезда. До этого и подумать об этом было нельзя — всех бы посадили, кто позволил такое. Написана работа была в 1956 г., а вышла в 1957 г. в сборнике «Ученые записки Красноярского института». Там просто хороший был народ, статья понравилась. А в то время у нас ненадолго разрешили институтам печатать научные сборники на местах, без посылки в Москву. Правда, через два года спохватились, и был дан приказ посылать все в Москву на утверждение и только после этого печатать. Мне потом так и сказали, что эту статью в Москве нигде бы не опубликовали. Хотя уже за это не сажали, а просто так, запрещали со страху.

Но надо сказать, что я был не одинок. В ГДР в этом же 1957 г. вышли две книги исследовательницы [Лизелотты] Вельскопф — исследовательницы Древнего Востока, которая пришла к тем же выводам, что рабство не играло существенной роли. Это было в ГДР, там тоже жестко было, но все-таки книгу опубликовали, даже две книги. Но на этом все пока и закончилось. А уже в 1964 г. началась новая дискуссия об азиатском способе производства. Так что я опередил их, так сказать, на семь лет.

Тут вмешались в дискуссию французские историки, которые заявили, что, конечно, рабовладения там, на Древнем Востоке, не было. И это обсуждалось потом на VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук в Москве в 1964 г. Я руководил секцией на этом конгрессе, и у меня должно было состояться два доклада французских, как раз сторонников концепции азиатского способа производства на Востоке. Правда, авторы не приехали, не знаю почему. Но эти доклады, вернее, тезисы докладов, были опубликованы в журнале «Народы Азии и Африки». И после этого началась дискуссия.

Дискуссия длилась три или четыре года, были совещания, опять эти же три точки зрения. Журнал «Народы Азии и Африки» активно печатал материалы, я в ней участвовал, пытался найти, все-таки, что же это было на самом деле. То, что там не было рабовладельческого способа, я понял тогда. А что было? И долгое время не мог все-таки найти. Но только нашел одно, что способов эксплуатации существует не три, а где-то штук ... двадцать.

Ну, а тут еще возникла у меня проблема вот такая. Стало как-то ясно, что у нас социализма в помине нет, а существует какой-то неизвестный обще-

ственный строй. Что это за общественный строй? То, что социализма не было, я понял. Ну, а что это за строй был, долго не понимал.

И тогда, пытаясь разобраться с азиатским способом производства, я стал искать литературу об обществах, в которых этот способ производства был бы только один, остальных не было, потому что они портили картину. Дело в том, что хотя на всем Древнем Востоке этот способ был господствующим, но кроме него было еще 3–4 способа, и они мешали понять, в чем дело, заслоняли. А я нашел общество, где был только один такой способ производства. И тогда все раскрылось, и стало ясно, что это такое. И стало вдруг ясно, что и у нас произошло. Вот почему у нас эту дискуссию терпеть не могли, и был окрик сверху — «прекратить». Нет, надо сказать, что никого не посадили, даже никого с работы не выгнали, а рот заткнули всем.

У.Н., Т.П.: А в какой форме на этот раз вторую дискуссию об азиатском способе производства прервали? Просто перестали печатать?

Ю.С.: Да. Указание было из ЦК, чтоб прекратить всякую глупую дискуссию. К тому же они тогда мобилизовали несколько крупных востоковедов, которые написали, что все понятно, там рабовладение, причем это были не какие-то люди, а хорошие специалисты. Поверили в это, или просто так согласились написать, трудно сказать. В итоге они просто победили при помощи ЦК.

Понятное дело, ведь каждый раз, когда дело доходило до нашего строя, когда разрабатывали проблему азиатского способа производства, невольно сопоставляли и видели, что у нас примерно то же самое. Самое забавное, что еще в XIX в. некоторые общества с азиатским способом производства назывались «коммунистическими». Так, например, называли общество инков в Перу, так и писали, что это коммунистическое общество.

То есть, есть класс господствующий, он управляет, планирует и так далее. С остальных налоги берут, они на них работают. Даже Маркс где-то в одном месте написал о перуанском коммунизме. Он, правда, просто попутно, он не знал этого. Какое там коммунистическое общество, это же жесточайший деспотизм был, причем не меньший, чем у шумеров, или в Египте!

У.Н., Т.П.: А какое общество вы нашли, которое было чисто «азиатским», или «политарным», как Вы обозначаете?

Ю.С.: Общество Буганды. Было такое королевство небольшое Буганда, ну как небольшое — 1 млн. человек, а потом выросло до 5 миллионов.

Это территория нынешнего государства Уганда. Вот там четко и ясно было, что никаких других форм, кроме «азиатского», не было. Там была очень любопытная вещь. Во главе Буганды стоял правитель — кабака (имел такой титул), который был неограниченным повелителем Буганды и имел право на жизнь и смерть любого подданного, даже если за ним никакой вины не числилось. Время от времени тот кабака должен был проводить такое мероприятие — рассылать отряды войск по всей стране, которые хватили всех, кто попадался им на пути. Потом всю эту публику сгоняли во двор кабаки, выходил кабака и говорил: «Пополам разделить, вот этих отпустить, а этих

казнить». Вот так. За что? А ни за что, так полагалось. И если кабака этого не делал, то такого кабаку могли и убрать. Кому такой кабака нужен, если он даже убивать толком не умеет?

В общем, в этой Буганде постепенно возникало государство, это был центр такой. Потом маленькие политархии и протополитархии стали присоединяться, их завоевывали, население росло — где-то там с 10 тысяч до 100, потом до 1 млн., наконец, достигло 5 млн. человек. Губернаторами на местах оставляли обычно бывших господ этих подчинившихся политархий. Вначале начался террор против рядовых людей, но потом пошел террор против губернаторов — их всех казнили и заменили ставленниками кабаки.

Ну, это ведь как у нас в 1930-е годы, помните, террор — сначала террор против рядовых граждан, а потом уже в 1937–1938 г. — две трети ЦК было расстреляно. Всех до единого расстреляли. Первые секретари обкомов, крайкомов были расстреляны. И в Китае то же самое было — борьба с правыми элементами, это с рядовыми.

До сих пор я помню, как мой знакомый, который учился в Пекинском университете, рассказывал мне о том, что во время борьбы с правыми элементами на их студенческую группу прислали разнарядку: выявить трех врагов народа, исключить их и послать на работы. И вот они обсуждали, кого выдвинуть во враги народа. Никому не хотелось, но надо. Партия требует, куда денешься.

А потом началось то, что получило название «культурной революции». «Огонь по штабам». Пострадали председатель Китайской народной республики Лю Шаоци, генеральный секретарь ЦК партии Китая Дэн Сяопин, почти все маршалы китайской народной армии и так далее. Вот как это называлось?

Но надо сказать, что эта кампания была менее кровавая, чем сталинская, в которой никто не выжил из крупных. А Дэн Сяопина отослали куда-то там в провинцию чистить, что говорится, конюшни. Правда, через несколько лет понадобился хороший организатор, его оттуда взяли и снова назначили на должность премьера, ввели обратно в ЦК КПК. Но он, видите, по-прежнему продолжал свою линию, и его опять сняли, пока не умер Мао Цзэдун. Потом он стал главой Китая практически, хотя не занимал почти никаких постов. Кроме одного, он был начальник военной комиссии ЦК КПК, то есть верховным главнокомандующим китайской народной армии. А это была важная должность, на самом деле. Там же были генеральные секретари, председатели республики Китая и т. д. А он был просто председатель военной комиссии, но держал в руках все. А потом он и от этого отказался. Но к нему прислушивались до самой смерти.

У.Н., Т.П.: Юрий Иванович, а вы можете вспомнить, когда у Вас мысль о схожести СССР и восточных деспотий стала возникать?

Ю.С.: Когда я эту Буганду увидел, вот об этих репрессиях прочитал, так сразу картина и прояснилась. И не только у меня. Я написал статью о Буганде, где у меня все были расставлены точки на «i», хотя там не было ни слова об азиатском способе производства. Статья имела такое маскировочное название — «Об одной из форм социально-политической организации стран Азии»

и Африки». В самом Институте этнографии, надо сказать, свободно было, сектор истории первобытности ее рекомендовал, а Ученый совет утвердил к печати. Но дальше она пошла в издательство «Наука». А заведовал отделом этнографии и антропологии там некий Бобрик. Очень толковый и умный человек, в принципе, мне приходилось с ним не раз иметь дело. Так он мне сказал: «Юрий Иванович, ваша статья не пройдет. В ней, знаете ли, есть какой-то неуловимый подтекст. Вы пишете вроде бы о Буганде, а имеете в виду совсем не Буганду...». Я ему говорю: «Подождите, да там только Буганда — все факты я только оттуда беру, никаких других нет». А он мне: «Знаете, нормальный человек поймет, о чем речь идет». Я ему и говорю: «Ну хорошо, “неуловимый подтекст”. Но как вы тогда его уловили-то?». Прошу его: «Так и напишите, что статья не годится». Но он четко ответил, что официально никаких отказов писать не будет, просто сборник под разными предложениями не будут печатать, будут тянуть бесконечно (мол, финансирования нет, бумага закончилась), пока моя статья не будет заменена на другую. Я написал другую статью, и сборник был тут же напечатан.

В это время в Институте востоковедения был крупный экономист Виктор Георгиевич Растяжников. Он про эту статью знал и, когда готовил какой-то сборник по экономике стран Азии, то предложил мне немножко ее сократить и поместить, но тоже под каким-нибудь камуфляжным названием. А так как ему доверял и директор Института востоковедения, и прочее начальство, а он сказал, что там ничего крамольного абсолютно нет, то статья вышла.

У.Н., Т.П.: Но статья, получается, несколько лет пролежала, как говорится, в столе?

Ю.С.: Да, пролежала. Она написана была где-то в 1974 г., а опубликована была то ли в 1979, или 1980 г. в этом сборнике под редакцией В.Г. Растяжникова (Семенов 1980: 102–130). Он тоже понимал, о чем речь идет прекрасно, и они все понимали. Если бы директор знал, не пропустил бы. И Бобрик прекрасно понимал, что могли бы, конечно, и не обратить внимания, пройти стороной, потому что не все же читают. А вдруг почтут?

С цензурой ведь было интересно. Дело в том, что запрещала печатать не официальная цензура, не «лито». Когда у меня эта первая статья по азиатскому способу производства выходила, я разговаривал с заведующим в Красноярске краевым лито. Он мне и говорил, что у них есть список того, чего нельзя пропускать. Вот, скажем, в каком-то городе есть пороховой завод, и если мы пропустим сведения об этом, то нас с работы выгонят и посадят. И больше ничего. При Сталине так было. А на счет науки у них никаких указаний не было. Это, он говорил, пусть ученые спорят, что правильно, что неправильно, это нас не касается. Так что была цензура самих журналов, институтов, Ученых советов, которые утверждали к печати, или, видите, некоего Бобрика, которого вообще никто не утверждал. А такой официальной цензуры почти не было, а вот внутренняя была. Предварительная цензура, конечно, существовала, они смотрели, не упоминается ли пороховой завод в городе Ачинске, например. А раз нет, то все остальное их не касается. Что там на Древнем Востоке? Да им плевать, это не их дело. Так они мне объяснили.

Г.Е. Марков, В.И. Васильев, Ю.И. Семенов (слева направо). 1980-е годы. // Из личной коллекции Л.Ю. Семеновы.

У.Н., Т.П.: Юрий Иванович, открыто советское общество трактовать как неополитарное вы смогли, как мы понимаем, только после 1991 г.?

Ю.С.: Как только началась перестройка, я написал несколько статей в журнале «Восток», который к тому времени уже несколько раз менял названия (вначале «Народы Азии и Африки», потом что-то еще, в какой-то момент «Вестник востоковедения») (Семенов 1988: 151–165).

Между прочим, я одну статью очень любопытную поместил в этом журнале. Дело в том, что у нас в свое время одну работу Сталина, кстати, уже после съезда, хотели поставить в список литературы, рекомендательной для всех, кто изучает национальный вопрос. А я прекрасно знал, откуда вся эта работа. Дело в том, что откуда Сталин взял свое определение нации? Три элемента он забрал у Каутского, а четвертый он взял у Бауэра, другого австрийского марксистского социолога. Я Сталина ни в чем не упрекаю, потому что он просто тогда молодой марксист, его просили написать популярную брошюру, а он в это время был в Австрии. И конечно, он опирался на эти работы, они не были переведены на русский язык, и он использовал, больше ничего. И в статье я просто показал, откуда он это списал.

И как раз эта статья пошла в журнал «Народы Азии и Африки». Причем вначале у нее был один вариант, потом ее смягчили немножко, потом стали обсуждать на редколлегии в моем присутствии. А в редколлегию входил один крупный наш политический деятель, чуть ли не член ЦК, и он заявил, что моя статья антимарксистская и так далее. А потом взял и ушел, короче, чтобы без него решали, публиковать или не публиковать ее. Редактор добился в итоге от редакции решения, чтобы принять, но с исправлениями. Потом сам эти исправления внес, добавил там всяких цитат, чтобы показать, дескать, что это все и так давно известно (Семенов 1967).

Ну, я потом эту статью опубликовал, но уже во втором варианте, а не в третьем. Потому что она отличалась от этого журнального варианта. Но важно, что работу Сталина в список для изучения по проблемам нации ЦК решил не рекомендовать.

У.Н., Т.П.: Юрий Иванович, а ваша работа «Россия: что с ней случилось в XX веке» когда была написана? И когда она в итоге вышла?

Ю.С.: Написана она была в 1990 или в начале 1991 г. Я пытался ее опубликовать, но у меня не получилось. В конце концов об этом узнали работники журнала «СОЦИС». Члены редакции попросили эту статью, она им очень понравилась, и они сказали, что добьются того, чтобы ее опубликовали. Но потом сообщили, что, к сожалению, не получилось. А почему? Рассказали, что членом редколлегии у них являлся в то время М.Н. Руткевич — член-корреспондент Академии наук СССР. И на заседании коллегии он заявил, что статья глубоко ошибочна, антимарксистская, и если она будет опубликована, то он немедленно подаст в отставку с поста члена редколлегии и обо всем сообщит в ЦК. И они не осмелились опубликовать.

В Институте этнографии в то время был один исследователь народов Севера, очень талантливый — Юрий Симченко. Он был моим близким другом. Каким-то образом он нашел деньги и стал печатать серию сборников под названием «Российский этнограф». Я ему предложил эту статью, но он попросил ее расширить. Я воспользовался этой возможностью и превратил статью, которая была на полтора печатных листа, чуть ли не в пять печатных листов. В итоге она вышла в одном из этих выпусков (20-й выпуск) тиражом где-то 100–200 экземпляров.

У.Н., Т.П.: Да, мизерный тираж. По этой причине, как я понимаю, эта работа долго оставалась неизвестной широкому читателю. Но в итоге вами была в 2008 г. подготовлена и издана большая книга, посвященная политаризму?

Ю.С.: Книга «Политарный («азиатский») способ производства: сущность и место в истории человечества и России» — это не монография, это сборник моих работ разных лет, посвященных этой проблеме. В него вошла в том числе и моя первая статья, которая была опубликована еще в «Ученых записках» Красноярского педагогического института, потом статья, которую Растянкин опубликовал, про Россию большая статья, еще несколько статей. Сначала это было небольшое издание, потом 2011 г. мне предложили переиздать расширенный вариант в издательстве «URSS». В 2019 г. вышло уже третье издание (Семенов 2019), добавились новые главы, какие-то моменты я уточнил. По ряду вопросов у меня и сейчас уже несколько иной взгляд. Только у меня нет времени. И со зрением плохо...

У.Н., Т.П.: А в каких вопросах, Юрий Иванович, вы считаете, что необходимо внести изменения?

Ю.С.: Это как раз вопрос о России. Вот тут-то, опять-таки, я кое-что поменял. Точка зрения сейчас сходная, но немного другая. Теперь многое мне стало понятнее. До этого я не понимал.

У.Н., Т.П.: Вы имеете в виду дореволюционную Россию? А Вы не могли бы кратко об этом рассказать?

Ю.С.: Для этого ведь нужно изложить старую точку зрения, потом новую точку зрения. А это слишком займет много времени. Но в общем речь идет о Киевской Руси и не только. В первую очередь о том, как менялись социально-экономические отношения. До сих пор моя точка зрения состоит в том, что никакого феодализма в Древней Руси не было и в помине. Неда-

ром же это отвергали все русские историки до начала XX в., в частности, тот же В.И. Сергеевич в знаменитой своей работе «Древности русского права». Ведь только первым феодализм признал Н.П. Павлов-Сильванский в книге «Феодализм в древней Руси», да и то с большими оговорками. А потом вроде получилось хорошо: феодализм, капитализм, как полагается по марксистской схеме, и это приняли.

А на самом деле вначале в Древней Руси сложилось очень своеобразное общество. И оно было не очень удачным, в итоге обречено на гибель. И этот тип общества господствовал не только в Древней Руси, но во всей Восточной и Центральной Европе — в Болгарии, Чехии, Польше, Венгрии, Румынии и других. И всех их постигла одна и та же участь — они оказались добычей чужеземных завоевателей. Первой пострадала Русь, которая оказалась под властью монголов. После этого Болгария, которая оказалась жертвой Оттоманской империи. Потом все Балканы, потом Венгрия, которая частично перешла к Австрии, а часть захватила Турция. Потом Польша, которую растерзали. Видите, все до единого. Это был настолько неудачный общественный строй, что он просто был обречен на гибель. Видите, целая серия стран, и их постигла в итоге одна и та же участь.

Только одна страна самостоятельно освободилась от этой зависимости, и это связано с тем, что в ней возникли другие общественные порядки. Возник и утвердился политарный способ производства. Тогда она сплотилась, стала мощной державой, а остальные в итоге погибли. Вспомните, Болгарию освободила Россия. Чехию, если помните, Первая мировая война. Сербию тоже мы освободили. Они неспособны были освободиться от чужеземного ига самостоятельно.

У.Н., Т.П.: Вы писали, что этот тип — «нобиломаграрное» общество?

Ю.С.: Нет, я уже отказался от той точки зрения, нобиларного способа производства в России не было. Просто доминомаграрное, но, правда, своеобразное, с добавкой определенной. Результат своеобразного синтеза. Доминомаграрный уклад возник на предклассовой стадии, и этот тип общества никак не могло стать классовым. Потому что там шли бесконечные склоки споры внутри элиты — ни одна клика не могла допустить, чтобы власть перешла к другой клике. И поэтому все это мешало возникновению государства. И единственный выход был какой? Пригласить чужеземцев, варягов. И варяжский глава дружины становился князем. И это было удобно, потому что он ни с кем не был связан, он, так сказать, свободная личность, он ничейный.

И возник там особый военно-дружинный способ. Дружина эксплуатировала это возникшее княжество. И был союз между князем и этим боярством. А когда возникло государство, бояре перешли в контрнаступление, стали ограничивать власть князя. Возникла Новгородская, Псковская республика. А там, где этого не было, помните, было бесконечное деление, что и делало Русь собственно бессильной.

Это же произошло и в Польше. Там не исчезло единое государство, но король лишился всякой власти. И эти знаменитые паны делали, что хотели. Почему Польша-то исчезла? Ведь дошло до того, что вот эти паны, если они

были недовольны, имели законное право по конституции Польши создать военный союз для борьбы с центральной властью. Это было официальное их право, они не мятежники были, не преступники, а следовали конституции. И так происходило без конца, и поэтому она исчезла.

У.Н., Т.П.: А в России, после Ивана Грозного, сформировался какой строй — политарный?

Ю.С.: Он начал формироваться пораньше. Это уже началось при Дмитрие Донском, но крупный шаг был сделан Иваном III, которого, кстати, в то время называли Иваном Грозным. Это его сначала называли Иваном Грозным. Но потом внук оказался грознее, и тогда забыли, что первым Грозным-то был Иван III, он же Иван Великий. Вот именно он начал создавать политарные порядки. Тогда он присоединил Новгород, оттуда убрал всех бояр, а земли раздал своим людям, которые имели войска и должны были содержать воинов, армию дворянскую. И эти люди полностью от него зависели, они получили право собирать налоги, но частью и в свою пользу. Ну а потом, помните, прикрепили крестьян к земле, возникло крепостное право. А Иван Грозный уже просто укрепил этот общественный строй. Как раз вот эта знаменитая опричнина возникла.

У.Н., Т.П.: Укрепил террором?

Ю.С.: Да, террором, причем совершенно бесшабашным террором, когда могли просто явиться, убить всю семью боярина, помните, повесить всех, разграбить их как хотели. Он просто допустил полное беззаконие. А потом он просто взял и ликвидировал опричнину — просто все войска стали опричными. Он внедрил везде одни и те же порядки. До этого он был полным хозяином в опричнине. Потом стал полным хозяином всего Русского государства.

Не забудьте, что опричнина — это были не только отряды опричников, вот эта так сказать «госбезопасность», но были и опричные войска как просто армейские войска с воеводами. Только, в отличие в других, они подчинялись непосредственно Ивану Грозному, то есть не подчинялись ни Думе, никому другому. И, кстати, эти опричные войска действовали неплохо. А потом все войска стали опричными.

Так что, видите, первый этап — это этап доминомагнарный. Потом добавилась военная эксплуатация со стороны княжеской дружины. А потом началось становление политаризма, но своеобразного, который вначале был без крепостного права, а потом возникло крепостное право. И на первых порах дворяне были слугами государевыми, и если они переставали служить, то они лишались своего имения. А потом эти дворяне стали свободными людьми, и их имения перестали быть государственной платой за службу, а стали просто частными имениями. Это где-то началось в середине XVII в. и оформлено окончательно было в 1762 г. Манифестом о вольности дворянской. И тогда дворяне просто стали классом господствующим, полными собственниками земли и своих крестьян.

У.Н., Т.П.: Но при этом возникший тип общества все равно не был феодализмом?

Ю.С.: Нет, какой же это феодализм? Тут надо иметь в виду, что феодализм двух видов бывает. Ранний феодализм — это когда феодал, он же и государь, у него свои войска, отряды вооруженные, он и высший судья. А если у него были сюзерены, то они в дела его не вмешивались, они просто должны были ему помогать подавлять крестьян, если те начнут бунтовать. Вот эти союзы суверенов.

А потом уже стали возникать абсолютистские государства. И это уже другой феодализм. В этой системе феодал стал просто помещиком, землевладельцем. И, кстати, исчезло крепостное право. В том то и дело, что крепостное право зиждилось на праве государя-феодала. А когда он перестал быть государем, а остался только землевладельцем, крепостное право исчезло. Крестьяне могли уйти, но только при одном условии — они должны были свой участок продать или передать кому-то, кто на их месте будет работать на этого феодала. Так что видите, совсем другая система, похожая, но другая.

А русские помещики никогда государями не были, даже и судьями не были. Если только по мелочам, конечно — и судили, и били, и колотили. Помните, мать Татьяны в «Евгении Онегине»: «Была девок осердясь ... отдавала в солдаты... и все это мужа не спросясь». Но государыней она не была.

В Центре по изучению межэтнических отношений ИЭА РАН. Слева направо: Ю.И. Семенов, П.М. Алексеев, Г.П. Лежава, М.Н. Губогло. Начало 2000-х годов. // Из личной коллекции Л.Ю. Семеновы.

У.Н., Т.П.: И все-таки российское общество перед революцией как можно определить, каким термином?

Ю.С.: Капитализм, но особый — «периферийный капитализм», конечно. Россия была в долгу как в шелку. Это была страна с самым большим долгом в мире. Вот потому она и вынуждена была подчиняться и Франции, и Англии. И помните, как спасли Францию? Немцы же под Марной стояли, и союзники заставили Россию неготовой двинуть российские войска в Пруссию, и они были разгромлены. Генерал Ренненкампф был разгромлен, но они тем самым отвлекли часть немцев, немцы не смогли реализовать успех под Марной, они потерпели поражение. И Франция отстояла позиции.

А Россия в начале XX в. уже была почти полуколонией. Об этом, кстати, прекрасно сказал когда-то бывший министр внутренних дел России Иван Николаевич Дурново. Он написал в 1914 г. записку Николаю II (кстати, можете поздравить Николая II, его именем назван аэропорт в Мурманске, Путин подписал указ, 42 аэропорта получили специальные имена, и аэропорт в Мурманске теперь назван именем Николая II). Так вот этот самый Дурново написал Николаю, что ни в коем случае не связывайтесь в войну с Германией, как бы ни настаивала Франция, ни в коем случае. Он же был министром внутренних дел, и знал все не по официальным сводкам, а по данным агентуры. Россия, он написал, будет терпеть поражения, возникнет всеобщее недовольство, российские крестьяне давно мечтают получить помещичью землю, и у них вспыхнет желание это сделать. Рабочие же захотят получить фабрики и заводы. Это будет не обычная революция, как в Западной Европе, когда меняется политическая власть, а все остается тем же самым. В России будет другая революция — социальная революция. Вспыхнет революция, царская власть будет ликвидирована. К власти придет группа адвокатов ни на что не годная, и в конце концов они так запутают все дело, что их сметут. И Россия распадется, потому что в России не будет силы, способной ее сплотить. Он не верил в большевиков, что они смогут сплотить. И далее он писал, что даже если Антанта победит, она России ничего не даст. Все, что она пообещала, ничего не даст. И Россия окончательно станет колонией Запада.

Эту записку нашел Е.В. Тарле и опубликовал ее. И было подозрение у многих, что эта записка написана задним числом, потому что там описывается, как революция произойдет. Ну, не мог же он так точно написать — и про адвокатов, Керенского. Все предсказано, и что будет падение царского режима, и требование земли и так далее. И возникнет никудышная власть.

Но выяснилось, что это все написано им на самом деле, значит Дурново был умным человеком. Кстати, не думайте, что дураками были и начальники Третьего отделения, Корпуса жандармов. А.Х. Бенкендорф, вот тот самый, еще ведь в 1834 г. писал Николаю I о том, что надо потихонечку ликвидировать крепостное право. Потому что оно, так сказать, является пороховым погребом под империей, и в любой момент может произойти взрыв. Причем за отмену крепостного права, он писал, борются не только крестьяне, но возник и огромный слой городского населения, который против крепостного права — всякие интеллигенты там и прочее. И поэтому крепостное право надо демонтировать, причем заняться этим сейчас же, иначе плохо будет. Так что не дураки у нас были эти самые руководители сыскного дела.

Ведь недаром же создавалось несколько комитетов, которые работали, но не могли ничего сделать. А вот уже Александр II понял, что выхода другого нет. И он без конца торопил — скорее, скорее, пока еще нет восстания. Важно успеть, иначе взрыв будет.

У.Н., Т.П.: У России, кроме революции, другого исторического шанса не было?

Ю.С.: У России — не было. Она же к тому времени стала страной периферийного капитализма. И революция в ней произошла не просто антикапиталистическая, а антипериферийнокапиталистическая. И возник в результате этой

революции не социализм, а неополитаризм, такая своеобразная параформация. Об этом как раз я и написал тогда в статье «Россия: что с ней случилось в XX веке».

Создатель теории периферийного капитализма Рауль Пребиш в своей книге, которая была переведена на русский язык [«Что такое периферийный капитализм и есть ли ему альтернатива?»] особенности такого особого капитализма прекрасно описал. Пребиш же сам столкнулся с этим капитализмом, ведь он, с одной стороны, был профессором университета в Аргентине, читал лекционные курсы по западной *economics*. С другой стороны, он был практическим деятелем — директором банка Аргентины, советником министерства и так далее. И он убедился в том, что вся эта схема западная не работает, там другой капитализм. Кстати, он почти 20 лет проработал в ООН, он был председателем Экономической комиссии для Латинской Америки [ЭКЛА], добивался, чтобы как-то улучшить ситуацию в этих странах. Так что он хорошо знал периферийный капитализм. И писал, что этот капитализм тупиковый.

После 1991 г. у нас ведь опять возник периферийный капитализм, сформировался полуколониальный тип общества. Но уже на другой основе, потому что этому новому периферийному капитализму предшествовал советский неополитаризм. И у нас до сих сохранился во многом этот класс, который тогда правил, только теперь он правит по-другому. Кстати, заметили, Путин сейчас пытается политосистему укрепить. Губернаторов смещает и прочее, правда не расстреливает, а просто снимает с работы. Недавно, помните, у нас прошел «губернаторопад», дело завели на 5 губернаторов.

У.Н., Т.П.: Юрий Иванович, а можно еще раз вернуться к теме внеэкономического принуждения, отличия рыночных капиталистических отношений от докапиталистических?

Ю.С.: Не путайте рыночные отношения и рыночно-капиталистические. Рынок существовал давно, но всегда был периферийным явлением, которое влияло на экономику, но никогда не определяло ее. Капитализм — это первое рыночное общество, где рынок господствует, определяет всю экономическую систему. Так что рыночные отношения разными бывают. Другими словами, есть некапиталистический рынок, а есть капиталистический рынок, когда рынок становится регулятором всей экономики.

При феодализме тоже рынки были, были города, они же без рынка прожить-то не могли, ремесленники же не могут жевать сапоги, надо меняться. Это рынок, а как иначе. Но капитализм — первая рыночная экономика. Других не было. И последняя, других не будет.

А что касается экономики не рыночной, она не рыночная, хотя рынки могли быть, а могли и не быть. Вот у инков рынков не было совсем, а у ацтеков была довольно развитая рыночная система. А что касается этих самых базаров восточных, вы помните «Тысяча и одна ночь», ведь там многие события происходят на знаменитых восточных базарах. Рыночной экономики при этом не было. Об этом, между прочим, хорошо Карл Поланьи писал, и он считал, что вот этот рыночный капитализм — это одна из самых плохих систем. Он писал, что она разрушает, убивает людей и в конце концов может

привести к гибели человечества. Это был такой венгерский экономист полувыходных убеждений, один из основателей экономической антропологии.

У.Н., Т.П.: А как, собственно, происходит взаимодействие рыночных и до-рыночных обществ? Как происходит взаимовлияние, развитие?

Ю.С.: Существует несколько экономик, несколько основных способов производства. К примеру, если взять первобытность, там был «первобытно-коммунистический» способ производства, потом «первобытно-престижный» способ производства. А потом возникло общество переходное к классовому — предклассовое. И тогда было несколько разных экономик, которые были в разных обществах, но единой экономики не было. А потом на смену пришел тот самый политарный, то есть «древне-политарный» способ производства, который зародился на Древнем Востоке. И на Востоке он господствовал вплоть до XIX в.

А у нас считали, что везде должны сменяться одни и те же формации. Но на Востоке они не сменялись. Была смена обществ, гибель обществ, появление новых, но все они были того же самого типа.

Иногда спрашивают, как это может быть? А вот так. В Австралии первобытное общество было до XVIII в. Ну и что? Там какой был способ производства, когда пришли европейцы? Первобытный способ — где-то ранне-первобытный (первобытно-коммунистический), где-то позднепервобытный (первобытно-престижный). Так что ничего удивительного, что и на Востоке несколько веков господствовал политаризм вплоть до XIX в., ничего особенного.

А что касается античного общества, то оно же где возникло-то, обратили внимание? Рядом с Древним Востоком, рядом с мировым центром. Оно освоило все достижения, вот потому-то оно и стало античным. Если взять ту же экономику, ведь на Древнем Востоке монета возникла впервые в IX в. до н.э. А в греческом обществе — в VIII в., то есть почти сразу, когда оно возникло. Во всем Древнем Востоке возникали иероглифические системы. А в Греции возникло алфавитное письмо сразу. Почему? Они усвоили у финикийцев, и это им сэкономило тысячелетия. Иначе говоря, здесь общество предклассовое усвоило достижение соседнего классового общества, и оно уже не могло быть таким, как если этого воздействия не было, оно стало другим.

Оно получило, так сказать, эстафету. Это эстафетное развитие, историческая эстафета. Знаете, ведь, как эстафеты проходят: бегут, каждая команда бежит, передает эстафету, и следующий бежит, потом третий, четвертый, пятый. Передача жезла. Жезл передают, и он бежит дальше. Вот и здесь происходит такая эстафетная передача.

Другими словами, есть два типа смены формаций. Один путем революции в обществе, а другой — когда соседнее общество, скажем, предклассовое, усваивает достижения этих обществ и поэтому идет вперед и переходит на новый этап развития.

А ведь и Античность сама по себе — она ведь тоже тупиковая. И только синтез дал возможность сделать шаг вперед. Был же синтез, об этом уже все говорят, только не дают данные о том, что произошел романо-германский синтез. Произошел синтез германского предклассового общества и остатков древнеримского античного общества. И возник феодализм, новый способ производства.

И только два раза в истории произошло, когда один тип общества возник из другого без внешнего вмешательства. Первый раз, когда первобытность сменилась древневосточным обществом. А потом, когда феодализм сменился капитализмом. Это был второй случай в истории человечества, вторая, так сказать революция, которая произошла внутри общества. А больше такого в истории не было, везде была два раза эстафета: Восток — Античность, потом Античность — Феодализм.

Видите, все формации проходит только человечество, взятое в целом. И тогда образуется магистраль развития.

Кроме того, раз существует неравномерность исторического развития, что одни общества идут вперед, а другие отстают, то уже отстающие общества не могут развиваться так же, как когда-то развивались те. Они вынуждены уже развиваться по-другому.

Возьмем простую вещь: горы Новой Гвинеи. До 30-х годов XX в. считали, что там никто не живет. А когда стали использовать авиацию, то вдруг выяснилось, что там живет миллион человек, которые не имели никаких контактов с внешним миром. Они жили в первобытно-престижном обществе. В 1930-е годы туда стали проникать европейцы, и те впервые увидели европейцев. На берегах Новой Гвинеи жили общества, с которыми давно были контакты, но вот эти контактов не имели. И что им остается делать? Что, у них там начнется азиатский способ производства, потом Античность, Рим, потом феодализм? Нет, конечно. Там капитализм теперь развивается, вот и все. И ничего другого быть не может.

То же с обществами Америки. Они, когда их открыли, что — тоже должны были античный этап ждать, феодализм? Нет, конечно, когда они были открыты обществами капиталистическими, были заселены людьми из других обществ, то там сразу по-другому все пошло. А как иначе? Другие пути развития возникли, боковые, не магистральные.

Другими словами, когда передовая часть человечества достигает какой-то стадии, то все остальные стадии пройдены не только для самих этих обществ, но и для всех остальных. Их путь никто не повторит уже. Все должны потом «перепрыгивать» прямо оттуда, где они находятся, туда. И это как раз закон, а не исключение. Раньше считалось, что перепрыгивание — это исключение, ну, мол, бывает, что перепрыгивают. А почему, отчего? Да иначе и быть не могло. И в силу того, что существует неравномерность исторического развития. Исторический процесс — это тебе не эскалаторы, которые едут рядом, на какой бы ты ни встал, будешь подниматься одинаково.

**Ю.И. Семенов и У.Г. Николаева
во время Философского кон-
гресса в МГУ. 2005 год.**

// Из личной коллекции
У.Г. Николаевой .

У.Г. Николаева, Т.В. Пушкарева, Ю.И. Семенов, Интервью с Юрием Ивановичем Семеновым

У.Н., Т.П.: В этом, как мы понимаем, смысл созданной вами глобально-стадиальной теории исторического развития?

Ю.С.: Ну да, конечно, это глобально-формационная система. К. Маркс и Ф. Энгельс ведь просто наметили общее направление. И все правильно поняли: да, есть формации, есть основные способы производства, их должно пройти все человечество в целом. Но есть масса неосновных способов, которые могли быть в одном, двух обществах.

Но вообще-то, нет ни одного общества, которое прошло бы больше двух формаций. Не найдете нигде. Поищите, не найдете. В том-то и дело, что не было общества, изначально существовавшего все века, которое прошло бы все формации. Общества менялись без конца, исчезали. Возьмите тот же Восток — то Ассирия, то Шумер, чего там только не было там. Тип тот же самый, а сами общества менялись. Китай сколько раз менялся — объединялся, потом снова распадался. Но каждый раз то же самое повторялось.

У.Н., Т.П.: Можно сказать, что многие историки отказываются от формационной теории, поскольку воспринимают ее как линейную? Не осознают, что в пределах формационного подхода можно нарисовать гораздо более сложную картину исторического развития?

Ю.С.: Ну конечно. В России вообще ни одной формации не было. Россия сама возникла только при Иване III, до этого России-то не было. Иногда говорят, что вот народ должен пройти все формации. Простите, когда возник русский народ? После монгольского завоевания, когда древнерусский

распался на украинцев, белоруссов и русских. Раньше русских-то не было, не было белорусов, не было украинцев. А что было до Киевской Руси? А были кривичи, поляне, но не было русских, не было совсем. Народы-то меняются. Они не живут бессмертно.

Китайский народ, конечно, существует, по крайней мере, с XXI в. до нашей эры. Но это исключение такое. И там шли постоянные изменения. А в целом народы приходят, уходят. Вот поэтому-то за этой пуганицей не видят, что есть общий ход мировой истории, что имеются смены формаций. Но только эта смена реализуется в масштабе всего человечества. И происходит, как видите, по-разному, не только путем переворотов внутри общества, но и путем перехода эстафеты от одной группы человечества к другим.

У.Н., Т.П.: Вы разработали специальные термины для научного отражения этого процесса, в частности, ввели понятия «супериоризация»?

Ю.С.: Надо сказать, что сама идея исторической эстафеты существует давно. У Гегеля, например, помните, происходит путешествие мирового Духа. До первобытности вообще не было мировой истории, потом возник Восток, его сменило греческое общество, потом римское, потом германское общество. И каждый раз, пока Дух был в этом обществе, оно расцветало. Но Дух покидал его, и оно начинало деградировать, но расцветало следующее общество. И не думайте, что Гегель был пангерманистом, националистом. Ведь для него германский мир — это Западно-Римская империя, завоеванная германскими племенами, это и есть германский мир. Это Испания, Италия, Франция, Германия, Британия. Но не Ирландия, и не Шотландия, там не было германцев.

Эта идея была заложена еще Боденом где-то в XVI в. Просто на нее никто не обращал внимания. И Кант придерживался этой идеи исторической эстафеты, кто только не придерживался. Но это попутно у них все было.

Так что у Маркса в целом-то все правильно, главная идея. Надо было разобраться, понять, как эта общая закономерность реализуется в реальной жизни, в конкретной истории. И я разработал целый ряд терминов, которые помогают в этих конкретных механизмах разобраться (*Семенов 2013а*).

У.Н., Т.П.: Получается, что народы, которые попадают в орбиту влияния более развитых обществ, теряют изначальную траекторию развития и уже не могут на нее вернуться? А что тогда происходит с их культурой, их наследием?

Ю.С.: У нас плачутся о том, что исчезают языки, порядки, народы, абorigены. Но проблема в том, что они не могут не исчезнуть — жить-то нельзя в новом мире при старых порядках, просто невозможно.

Что там культура? До сих пор помню, как я был уже в постсоветское время в Киргизии на семинаре для преподавателей общественных наук. Вот мне коллеги-киргизы и рассказывали: «поначалу, мы по дурости, обрадовались, думали, что вот получили государственность, возродим нашу великую киргизскую культуру, ликвидируем русизацию, которая заменила нам наши исконные традиции ... А потом начали понимать — какая там культура, жить-то

по ней нельзя. Она, ведь, эта культура, древняя. А Россия-то открыла нам дорогу в мировую цивилизацию — мы теперь знаем о Шекспире, освоили науки. А раньше мы об этом ничего не знали. Россия сделала нас цивилизованным народом впервые». То есть, поняли, наконец-то, но поздновато немножко.

С одним там тоже разговаривал коллегой, он жаловался, что преподавателям вузов не платили зарплату целых полгода. У нас так тоже в те годы бывало. Я и спрашиваю: «Ну и как Вы жили?». Он мне и отвечает: «Видите ли, у меня родители в деревне, продукты сами производили, так и выжидали». Спрашиваю: «А как они относятся к тому, что возникло киргизское государство?». Он и говорит мне: «Что они думают? Да на какой черт оно нам нужно, это самостоятельное государство? Мы предпочли бы жить в какой-нибудь области Российской Федерации». То есть, как он показал, крестьянам, населению — все это было не нужно. А нужно было элите — чтобы они были послами, министрами, президентами.

Видите, что делается, 10 миллионов мигрантов, которые не могут жить на родине. Они что, от хорошей жизни приезжают? Вынуждены терпеть, смиряться, когда их грабят. Они же жили раньше там, на родине. А потом все позакрывалось. И теперь ищут, где бы самим прокормиться и семьи прокормить. Мне говорили, что в Грузии, в Армении такой нищеты никогда не было. И в Киргизии тоже.

У.Н., Т.П.: Подъем цивилизационного подхода в последние десятилетия вы связываете с кризисом старой версии формационного подхода?

Ю.С.: Цивилизационный подход — это глупость сплошная. Что значит «цивилизация», каков смысл понятия? Ведь они понимают цивилизацию даже не как понятие эволюции. А ведь термин «цивилизация» возникло как стадийное понятие: сначала «дикость», потом «варварство», что уже шаг вперед, и уж потом «цивилизация».

Потом «цивилизациями» стали называть отдельные страны. Возникло такое впечатление, что все общества — возникают, расцветают и гибнут. И никакого прогресса нет, а есть постоянное повторение одного и того же. Но такой вариант тоже не принимают, поскольку он глуп. Поэтому никто не знает толком, что имеют в виду, когда говорят «цивилизация». Это просто абракадабра. Кроме абракадабры, в нем ничего нет.

Классический цивилизационный подход — это А. Тойнби. Возникают отдельные конкретные общества. И все они повторяют судьбу друг друга. И поэтому человечество топчется на одном и том же месте. А ведь это же глупость. Игнорируют прогресс общечеловеческий. Античность — ведь более высокая форма, чем древневосточная. А феодальная — более высокая, чем Античность. Капитализм — более высокая форма, чем все предшествующие. Что говорить об этом.

Картина развития ведь гораздо более сложная. Тут надо иметь в виду, что возникло два капитализма — обычный и периферийный. И это не первый случай «раздвоения», появления двойников. Есть античное рабовладельческое общество, но было же рабство и в Америке на Юге. Помните, «Хижина

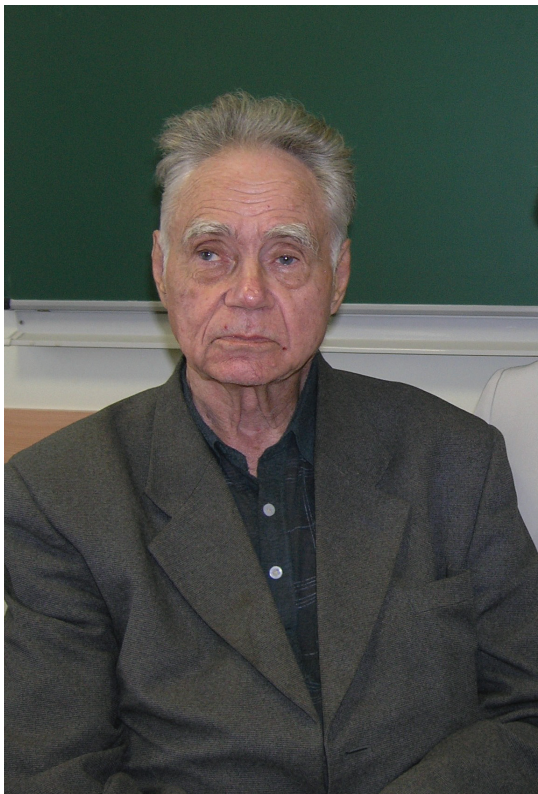

Дяди Тома)? Плантационное рабство, которое возникло в интересах торговли, работали на экспорт. Что это за общество? Не капиталистическое общество, но возникло под влиянием капитализма в Западной Европе. Нужен был хлопок, нужно было создавать его, рабочей силы свободной в Америке не было, нужно было их завозить из Африки. Вот в чем дело. Капитализм породил плантационное рабство — второй вариант рабовладельческого общества.

А наш политаризм? Есть тоже несколько вариантов, точнее даже — различных способов производства. И наш, который возник в СССР, это один из них. Есть общие черты, но есть и большое различие.

Кстати, я же всю юность провел в Сибири и видел этот неополитаризм, так сказать, изнутри. Мой отец служил в разные годы начальником станций «Ачинск I», «Абакан» (столицы Хакасии), «Мариинск», «Богатол», наконец, «Красноярск» (где он и кончил свою карьеру). И я с ним ездил.

И видел не раз заключенных. В Мариинске, например, был гигантский лагерь Сиблаг, там было где-то 30 тысяч заключенных. Их же выпускали время от времени. И они все толпились вокруг вокзала. А на вокзале была квартира казенная отца как начальника станции, и я их всех видел, когда весной вся площадь заполнялась. Люди ждали — билеты когда будут, поезда.

Ю.И. Семенов на философском факультете МГУ. 2006 год.

// Из личной коллекции
У.Г. Николаевой.

У.Н., Т.П.: Какие мысли в тот момент эта картина в вас рождала?

Ю.С.: В Сиблаге я даже однажды побывал. Я еще был школьником. На тот момент это было относительно хорошее место, так сказать. Не лесоповал. Работали в бараках. Там были пошивочные мастерские, для армии шили. В теплом помещении и так далее. Не самое худшее. А заодно эти портняжные мастерские работали и на горожан, принимали заказы.

Мне, помню, шили пальто. Меня туда отец водил на примерку. И я видел это все — бараки видел. На что я был тогда еще мал, а как сердце ныло, пока ходил по этим улицам с отцом. Ужасающая картина, такая скученность.

И в Красноярске ведь грузовики с заключенными — утром на работу, об-ратно вечером с работы. Мы там жили потом, это видели. Все это на виду было. Это здесь было скрыто. А там это было открыто. Все строительство велось заключенными. И это еще ничего, это все-таки не в тайге, а в городе. Правда, если это зима, и если они работали, то не в тепле были, а на морозе клали кирпичи. Ну, как этот Шухов, у Солженицына. Кстати, повесть-то хорошая. Великолепная.

У.Н., Т.П.: «Один день Ивана Денисовича», да.

Ю.С.: Да, великолепная вещь. На самом деле талантливая вещь. Это потом он испохабился. А эта работа его была хорошая. Она навсегда войдет в русскую литературу. Не то, что эти его глупости, самая знаменитая — «Красное колесо». Глупость, вранье непомерное, совершенно. Даже наполовину этот его знаменитый «Архипелаг Гулаг». Там, где он описывает, что сам видел, это, вероятно, и вранье, и правда. А когда он касается истории 1920-х годов, то сплошное вранье. Цифры приводимые — абсолютно чушь. Им, почему-то казалось, что если указать, что было расстреляно 3 миллиона человек, то это слишком мало. А вот расстрелять 80 — это хорошо. Чепуха ведь это.

3 миллиона расстрелянных... Смотрите, и 1937, и 1938 год — это годы-лидеры по числу расстрелов. Каждый год было расстреляно по 300 с чем-то тысяч человек, около 360 тысяч. То есть, каждый день расстреливали где-то 1 тысячу человек. Это что мало? Надо миллион еще добавить? Да не успели бы, в этом все и дело.

Поэтому они преувеличивали, ввали. И потом люди перестали верить вообще, что были сталинские репрессии — мол, все это выдумка демократов. А репрессии были, да еще какие.

До сих пор помню рассказ одного знакомого, который попал в эти жернова. Он был замсекретаря комсомола Ростовского университета (Ростов-на-Дону). Там арестовали партком и всех посадили. А потом спохватились, что проводником влияния парткома на студентов был комитет комсомола, и арестовали весь комитет комсомола. И он, значит, тоже загремел. Ну его привели к следователям. Вот они и рассуждают: «по какой линии его пустим — по троцкистам, или по правым? Да, но по троцкистам мы план уже выполнили, по правым тоже. Вот с националистами у нас плоховато, мало». И его назначили политическим комиссаром армянской повстанческой армии.

Дело в том, что под Ростовом-на-Дону есть армянский поселок — Нахичевань. И там, дескать, была некая подпольная организация, которая, якобы, создавала армянскую повстанческую армию. И вот он вдруг стал политическим комиссаром. А парень — русский абсолютно. Но потом о нем забыли, не самый важный преступник. А тут, как раз, Ежова сняли, назначили Берию. И чтобы показать, что 10 лет были злоупотребления, что теперь, наконец, пришел правильный нарком, а Ежов — это враг народа, и он специально сажал невинных, то где-то десять процентов освободили. И рассмотрели, что парень русский, а он, оказывается, комиссар армянский... ну какая чушь. Его сразу освободили и реабилитировали полностью. Но это повезло. А могли бы и расстрелять — «политический комиссар армии», злодей какой, какие масштабы.

Отсюда мы видим, что спускали же планы по врагам народа. Четырех троцкистов, скажем, пять бухаринцев, шесть террористов. И отыскивали их тут же. Экономика же у нас плановая. И после этого мне говорят, что, мол, все правильно было. Я же все это знаю, как на самом деле.

Почитайте, как на самом деле проходил процесс Бухарина-Рыкова, Каменева-Зиновьева, процесс Радека. Когда сейчас читаешь, то бросается в глаза, что это чистой воды липа. Никаких фактов нет. Есть чистосердечные признания обвиняемых. Не может же человек врать себе. Они же знают, что их расстреляют. Значит, они от чистого сердца раскаялись, покалялись.

Вот, например, я смотрел материалы одного процесса. «Враги народа стали осушать болота в Белоруссии». Оказалось, правда — осушали болота. Но для чего? Чтобы фашистам расчистить дорогу от Минска к Москве! По болотам ведь трудно, а так немецкая армия прошла бы. Значит, они выполняли задания гитлеровского генерального штаба. Какая логика!

Да и вообще, на шахтах, например, часто бывали аварии. Они и сейчас происходят. А там было ясно — враги народа. В магазинах хлеба нет. Почему? Враги народа. Мы ни при чем, а все враги. И сажали. И народ был доволен — «правильно посадили сволочей, из-за них мы без хлеба сидим. И как власть хорошо действует — наказывает врагов народа». Это как-то даже облегло душу. Что вы смеетесь, на самом деле.

У.Н., Т.П.: Да уж, проверенный способ. Юрий Иванович, расскажите, пожалуйста, о вашей книге «Введение в науку философии», вышедшей несколько лет назад в шести томах. Это, как мы понимаем, итог Ваших многолетних исследований в области теории познания (Семёнов 2013б; 2013в; 2013г; 2013д; 2013е; 2013ж).

Ю.С.: Дело в том, что ни Маркс, ни Энгельс, ни Ленин в систематизированном виде материалистическую философию никогда не излагали. Они же преподавателями философии никогда не были, и специально этим не занимались, хотя всегда к этому стремились и об этом писали. Они разрабатывали те проблемы, которые были для них важными в конкретный момент.

В этих шести книгах (сейчас уже семи книгах, я расширил) я как раз попытался создать систему марксистской философии, изложить диалектический

материализм на основе как самого Маркса, так и всех современных достижений философской мысли. И надо сказать, что тут я сумел сделать несколько открытий. Но это отдельный разговор.

У.Н., Т.П.: Юрий Иванович, спасибо Вам большое за интервью.

1 июня 2019 г., фойе МФТИ

Литература

- Семенов Ю. И.* К вопросу о первой форме классового общества // Ученые записки Красноярского педагогического института. 1957. Т. 9, вып. 1. С. 237–260.
- Семенов Ю. И.* Возникновение человеческого общества. Красноярск: Красноярский государственный педагогический институт, 1962.
- Семенов Ю. И.* К определению понятия «нация» // Народы Азии и Африки. 1967. № 4. С. 86–102.
- Семенов Ю. И.* Происхождение брака и семьи. М.: Мысль, 1978.
- Семенов Ю. И.* Об одном из типов традиционных социальных структур Африки и Азии: прагосударство и аграрные отношения // Государство и аграрная эволюция в развивающихся странах Азии и Африки. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1980. С. 102–130.
- Семенов Ю. И.* Завершение становления человеческого общества и возникновение первобытной родовой общины // История первобытного общества. Эпоха первобытной родовой общины. М.: Наука, 1986. С. 73–129.
- Семенов Ю. И.* Социально-экономический строй Древнего Востока: Современное состояние проблемы // Народы Азии и Африки. 1988. № 2. С. 151–165.
- Семенов Ю. И.* На заре человеческой истории. М.: Мысль, 1989.
- Семенов Ю. И.* Философия истории. Общая теория исторического процесса. М.: Академический проект, 2013а.
- Семенов Ю. И.* Введение в науку философии. Книга 1. Предмет философии, ее основные понятия и место в системе человеческого знания. М.: Либроком, 2013б. (Переиздание расш. и перераб.: М.: Либроком, 2020).
- Семенов Ю. И.* Введение в науку философии. Книга 2. Вечные проблемы философии. От проблемы источника и природы знания и познания до проблемы императивов человеческого поведения. М.: Либроком, 2013.
- Семенов Ю. И.* Введение в науку философии. Книга 3. Марксистский прорыв в философии. М.: Либроком, 2013.

Семенов Ю. И. Введение в науку философии. Книга 4. Современные проблемы теории познания, или Логика разумного мышления (умозримый мир в себе и для нас, факты, проблема, понимание и объяснение, идея, интуиция, холия, гипотеза, теория). М.: Либроком, 2013д.

Семенов Ю. И. Введение в науку философии. Книга 5. Проблема истины. Мышление, воля и мозг. М.: Либроком, 2013е.

Семенов Ю. И. Введение в науку философии. Книга 6. Трудная судьба философии диалектического материализма (конец XIX — начало XXI в.). М.: Либроком, 2013ж.

Семенов Ю. И. Происхождение и развитие экономики. От первобытного коммунизма к обществам с частной собственностью, классами и государством (древневосточному, античному и феодальному). М.: Красанд, 2014.

Семенов Ю. И. Политарный («азиатский») способ производства: сущность и место в истории человечества и России. Изд. 3-е, доп. М.: URSS, 2019.

Interview

Nikolaeva, U.G., Pushkareva, T.V. Interview with Yu.I. Semenov. Anthropologies, 2023, no 1, pp. 174-210, <https://doi.org/10.33876/2782-3423/2023-1/174-210>

© Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Nikolaeva Uliana Gennadievna | Leader Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS | ynikolaeva@list.ru | <https://orcid.org/0000-0002-6266-8984>

Pushkareva Tatiana Vitalievna | Associate Professor, Synergy University | ap-bib@yandex.ru | <https://orcid.org/0000-0002-9139-6121>

Abstract

An interview with the outstanding Russian historian, ethnologist and philosopher Yuri Ivanovich Semenov (September 5, 1929 — April 26, 2023) was taken in 2019 on the eve of the scholar's 90th birthday. The most diverse aspects of his scientific biography and work are touched upon, including the problems of developing the theory of anthropo-socio-genesis, the formation of economic relations, the institution of marriage and the family, the theory of politarism («the Asian mode of production»), the socio-economic history of Russia, the philosophy of history and the theory of knowledge. The conversation reveals interesting details of the development of both the ideas themselves and the social context in which they arose, relations and atmosphere in the scientific community. The interview gives an integral idea of the scale of the personality of the scholar, the depth of his ideas, the breadth of research problems, the features of the Soviet and post-Soviet periods of his work.

Keywords

history of ethnology and anthropology, Marxism, theory of history, history of primitive society, social philosophy

References

- Semenov, Yu.I. 1957. K voprosu o pervoi forme klassovogo obshchestva [On the question of the first form of class society]. *Uchenye zapiski Krasnoiar'skogo pedagogicheskogo instituta*, 9, 1: 237–260.
- Semenov, Yu.I. 1962. *Vozniknovenie chelovecheskogo obshchestva* [The emergence of human society]. Krasnoiar'sk: Krasnoyarskii gosudarstvennyi pedagogicheskii institut.
- Semenov, Yu.I. 1967. K opredeleniiu ponyatiia «naciia» [To the definition of the concept of «nation»]. *Narody Azii i Afriki*, 4: 86–102.
- Semenov, Yu.I. 1978. *Proiskhozhdenie braka i sem'i* [The origin of marriage and family]. M.: Mysl'.
- Semenov, Yu.I. 1980. Ob odnom iz tipov traditsionnykh social'nykh struktur Afriki i Azii: pragosudarstvo i agrarnye otnosheniya [About one of the types of traditional social structures in Africa and Asia: the proto-state and agrarian relations]. *Gosudarstvo i agrarnaia evolyuciia v razvivaiushchikhsia stranakh Azii i Afriki*. M.: Nauka: 102–130.
- Semenov, Yu.I. 1986. Zavershenie stanovleniia chelovecheskogo obshchestva i vozniknovenie pervobytnoi rodovoi obshchiny [The completion of the formation of human society and the emergence of a primitive tribal community]. *Istoriia pervobytnogo obshchestva. Epoha pervobytnoi rodovoi obshchiny*. M.: Nauka: 73–129.
- Semenov, Yu.I. 1988. Social'no-ekonomicheskii stroi Drevnego Vostoka: Sovremennoe sostoyanie problemy [Socio-economic system of the Ancient East: The current state of the problem]. *Narody Azii i Afriki*, 2: 151–165.
- Semenov, Yu.I. 1989. *Na zare chelovecheskoi istorii* [At the dawn of human history]. M.: Mysl'.
- Semenov, Yu.I. 2013a. *Filosofiia istorii. Obshchaia teoriia istoricheskogo processa* [Philosophy of history. General theory of the historical process], M.: Akademicheskii proekt.
- Semenov, Yu.I. 2013b. *Vvedenie v nauku filosofii. Kniga 1. Predmet filosofii, ee osnovnye ponyatiia i mesto v sisteme chelovecheskogo znaniia* [Introduction to the Science of Philosophy. Book 1. The subject of philosophy, its basic concepts and place in the system of human knowledge]. M.: Librokom, (reissue expanded and revised: 2020. M.: Librokom).
- Semenov, Yu.I. 2013c. *Vvedenie v nauku filosofii. Kniga 2. Vechnye problemy filosofii. Ot problemy istochnika i prirody znaniia i poznaniia do problemy imperativov chelovecheskogo povedeniia* [Introduction to the Science of Philosophy. Book 2. Eternal problems of philosophy. From the problem of the source and nature of knowledge and cognition to the problem of imperatives of human behavior]. M.: Librokom.

- Semenov, Yu.I. 2013d. *Vvedenie v nauku filosofii. Kniga 3. Marksistskii proryv v filosofii* [Introduction to the Science of Philosophy. Book 3. The Marxist Breakthrough in Philosophy]. M.: Librokom.
- Semenov, Yu.I. 2013e. *Vvedenie v nauku filosofii. Kniga 4. Sovremennye problemy teorii poznaniya, ili Logiki razumnogo myshleniya (umozrimyj mir v sebe i dlya nas, fakty, problema, ponimanie i ob»yasnenie, ideya, intuiciya, holiya, gipoteza, teoriya)* [Introduction to the Science of Philosophy. Book 4. Modern problems of the theory of cognition, or the Logic of rational thinking (the speculative world in itself and for us, facts, problem, understanding and explanation, idea, intuition, holia, hypothesis, theory)]. M.: Librokom.
- Semenov, Yu.I. 2013f. *Vvedenie v nauku filosofii. Kniga 5. Problema istiny. Myshlenie, volia i mozg* [Introduction to the Science of Philosophy. Book 5. The Problem of Truth. Thinking, will and brain]. M.: Librokom.
- Semenov, Yu.I. 2013g. *Vvedenie v nauku filosofii. Kniga 6. Trudnaya sud'ba filosofii dialekticheskogo materializma (konec XIX — nachalo XXI v.)* [Introduction to the Science of Philosophy. Book 6. The Difficult fate of the philosophy of dialectical materialism (late XIX — early XXI century)]. M.: Librokom.
- Semenov, Yu.I. 2014. *Proiskhozhdenie i razvitie ekonomiki. Ot pervobytnogo kommunizma k obshchestvam s chastnoi sobstvennost'iu, klassami i gosudarstvom (drevnevostochnomu, antichnomu i feodal'nomu)* [The origin and development of the economy. From primitive communism to societies with private property, classes and the state (Ancient Eastern, ancient and feudal)]. M.: Krasand.
- Semenov, Yu.I. 2019. *Politarnyi («aziatskii») sposob proizvodstva: sushchnost' i mesto v istorii chelovechestva i Rossii* [Polytaric («Asian») method of production: the essence and place in the history of mankind and Russia]. 3rd ed. M.: URSS.

